

Земля небожителей!

Почему калужский край стал для многих писателей колыбелью таланта?

стр. 3

В Скотопригоньевске есть на кого нарадоваться!

В городе «Братьев Карамазовых» – Козельске возрождают святыню.

стр. 4-5

Мастерская веры.

Благодаря кому под Юхновом из руин старых цехов вырос красивейший храм?

стр. 8

«На земле же воистину мы как бы блуждаем, и не было бы драгоценного Христова образа пред нами, то погибли бы мы и заблудились совсем, как род человеческий перед потопом»

Ф.М. Достоевский

ПУТЬ, КОТОРЫЙ ДОСТАЛСЯ НАМ В НАСЛЕДСТВО ОТ ДОСТОЕВСКОГО, ВМЕСТЕ С ТОМАМИ ЕГО ВЕЛИКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

православная газета для молодежи

ВЕРА № 4 (107)
13 сентября 2021

Издаётся по благословению митрополита Калужского и Боровского Клиmenta.
Одобрено Синодальным информационным отделом Русской Православной Церкви.

«Какие у них храмы красивые, не то что у нас», – выдала посреди Венеции русская туристка лет пятидесяти с крашенными под баклажан волосами. Вокруг все замолчали, позволив истеричным чайкам, наконец, показать, кто тут хозяин. Вокруг были русские – с того же экскурсионного парома, что и баклажановая.

Вдруг снова поднялся человеческий крик. Чайки в испуге отлетели. В следующие минут пять русская группа очень громко – чтобы лучше дошло – доносила соотечественнице две простые мысли: красивейших храмов хватает и в России, и их несложно увидеть, если иногда отрываться от телевизора и выходить из «Одноклассников», и вторая мысль – почти проповедь: православие ценно не красотой церквей, красота должна быть внутри. Если красота пронизывает душу, тело и дух, то и однокупольный типовой храмик по-

ОТ ДРЕЗДЕНА ДО ОПТИНОЙ ПУСТЫНИ

среди промышленного района покажется жемчужиной на торфянике.

Именно так, помню, один из русских мужчин и сказал – жемчужиной на торфянике. Поэт, наверное.

Баклажановая обиделась и дальше весь день демонстративно гуляла одна. Я же весь день, наоборот, демонстративно гулял с группой, потому что мои земляки, до этого не блиставшие на выезде интеллектом и манерами, вдруг стали для меня самыми родными на планете.

И всю прогулку я думал тогда – смогли бы русские сформулировать свою эту венецианскую проповедь в России? Или, чтобы получить религиозное озарение, нужно уехать в другую страну, столкнуться с чужой красотой и родным невежеством?

Эту историю я вспоминаю часто, когда говорю о Достоевском. Ведь, как известно, свое духовное воскрешение он пережил именно за границей. И пережил его, столкнувшись с глубокой красотой, созданной католиком.

Это случилось с Достоевским в Дрезденской картинной галерее. И с этой точки я поведу свое эссе-расследование дальше...

НАЧАЛО. Продолжение читай на стр. 2

ПРОДОЛЖЕНИЕ.
Начало смотри на стр. 1

Недавно мне попалась на глаза статья русского литературоведа и критика Константина Мачульского о Достоевском. Первые же абзацы этой работы пробудили во мне тот трепет, который я обычно испытываю, когда понимаю, что вот-вот случится что-то невероятное.

Вот эти абзацы.

«После долгого периода метафизического отчаяния, в центре которого стоят «Записки из подполья», жизнь Достоевского резко переламывается отъездом-бегством за границу. Он покидает Россию, «спасая не только здоровье, но даже жизнь». «Рассудок действительно расстраивался, — пишет он Майкову. — Это истинна. Я это чувствовал; а расстройство нервов доводило меня до бешеных минут».

В Дрездене он переживает духовное воскресение, слезы умиления и восторга перед картинами Дрезденской галереи, весну, счастье с молодой женой Анной Григорьевной». (К.В. Мачульский, «Положительно прекрасный человек» у Достоевского)

Другими словами, перед нами драматический перелом, который случился в жизни Достоевского. И благодаря которому в русской и мировой культуре теперь есть «Идиот», «Преступление и наказание», «Бесы», «Дневник писателя», наконец, «Братья Карамазовы». Произведения-потрясения, каждая страница которых может заменить внимательному читателю курсы и по психологии, и по богословию, и по философии, и по этике...

Но вот что именно случилось с Достоевским, Мачульский не рассказал. Критик лишь оставил наводку ищущему читателю, а именно — упомянул Дрезденскую галерею.

Нынче дело двух кликов, чтобы узнать, какие художники выставлены в этом знаменитом музее. А дальше — поддайтесь интуиции, и через считаные минуты, листая каталоги самых знаменитых картин галереи, вы все поймете про Достоевского.

Вы увидите картину Рембрандта «Автопортрет с Саскией на коленях». Второе название «Блудный сын в таверне».

Вы увидите и другие полотна «большого голландца», так называют Рембрандта, в том числе полотна на библейскую тему. Но приглядитесь вам стоит именно к «Блудному сыну в таверне».

О том, что Достоевский часто бывал в Дрезденской галерее и подходил к Рембрандту, мы знаем из дневников его жены, а также из писем писателя на родину.

Библиограф Достоевского Леонид Гроссман в своей книге также упоминает, что Федор Михайлович «высоко ценил знаменитый автопортрет молодого Рембрандта с женой Саскией». Дальше Гроссман пытается понять, почему же писателю приглянулось это полотно.

«Приехав в Дрезден с молодой женой, романист мог особенно живо воспринимать тему жизнерадостности и беззлачного счастья, озаряющих эту картину

Рембрандт «Автопортрет с Саскией на коленях» («Блудный сын в таверне»).

во всех ее деталях — в огромном бокале искрящегося вина, в ослепительном оперении бахроматного убора и восхищенной до самозабвения улыбке ликующего живописца».

Нам важно вытянуть у Гроссмана и тезис о том, что атмосфера картин Рембрандта очень похожа на ту атмосферу, которую мы встречаем в романах Достоевского. Речь, по мнению исследователя, идет о темных скоплениях теней, прорезанных яркими озарениями.

«В мировой живописи Рембрандт был едва ли не самый родственный Достоевскому гений одухотворенного и опоэтизированного реализма, но великий романист не оставил нам своих впечатлений об этом мастере трагического портрета», — говорит Гроссман.

О том, что внутренний мир полотен голландца напоминает мир произведений Достоевского, в своих эссе говорила и наша современница, искусствовед Паола Волкова. Которая, впрочем, на наш взгляд, в своих трактовках «дружбы» Достоевского с Рембрандтом продвинулась дальше, дав понять, что художников объединяет их попытка показать не внешнее, а внутреннее. Разобраться в психологизме героев и событий, в том числе библейских, высветить «из бездны бытия» красоту человека и его поступков. Зачем художнику и писателю это было нужно?

Ответ — в Дрезденской галерее, в зале Рембрандта, в пространстве рамы, внизу которой немецкими буквами написано: «Авто-

портрет с Саскией на коленях». А также — на других полотнах художника, посвященных притче о блудном сыне.

Рембрандт сам считал себя блудным сыном. Достоевский, который убежал из России, от себя, от кредиторов, от смерти в душе, не мог не отреагировать на мотив Рембрандта и не задуматься о том, что и сам он, быть может, не лучше.

Помимо этой «встречи», с Достоевским за границей еще много всего произошло. На нашу с вами радость. Потому что в Россию писатель действительно вернулся ожившим. Как в той же притче, помните, «ибо этот сын мой был мертв и ожил».

Вся дальнейшая жизнь Достоевского была посвящена одному — возвращению к Отцу. Если вдуматься и вчитаться, то и герой Федора Михайловича идет тем же путем. Из пучины сумасшествия, расстроенности, греховности, из мертвого дома в своих сердцах и душах они карабкаются, гремят кандалами, ползут, тащаются, запинаются, но идут, идут домой. В Церковь. Потому что для Достоевского быть русским и быть христианином это одно и то же. *«Ибо вся Россия в православии, в нем ее душа»*. Возможно, именно ради этой формулы Достоевскому и нужно было уехать из страны. Большое видится на расстоянии.

Но если образ сына из притчи был Достоевскому понятен, он примерял его на себя, он сличал его с представлениями других художников, то вот образ Отца оставался тайной. Вернее, тайной оставался его, Достоевского, писательский путь к Нему. Как написать Его так, чтобы читатель, современник Федора Михайловича, уже этот образ потерявший, вновь стал о нем думать и вспоминать. Вновь стал искать дорогу домой.

Было много попыток у Федора Михайловича вновь показать луч света в темном царстве. Попытка высветить в тенях сомнений и терзаний лиц Прекрасного человека. Богочеловека. Христа. Об этом испаныны тома исследований. И тысячи дискуссий кипят до сих пор о том, кто такой князь Мышкин и почему «воплощение прекрасного человека» не удалось в «Идиоте», почему намерение стать Богом на земле исходит из гордыни и почему этого не поняли большевики, прекрасно знавшие «Бесов» и трагедию Раскольникова...

Если так мучаются сегодня исследователи, те, кто Достоевского трактует, то представить сложно, что переживал внутри себя сам первоисточник. Через какие кризисы ему пришлось пройти, через какие падения, но и катарсисы, чтобы встретить образ Отца в своей жизни, а затем и помочь встретиться с ним читателям?

Спустя 11 лет после «знакомства» с Рембрандтом Достоевский приезжает в Оптину пустынь. И здесь круг его писательских метаний замыкается. Он, наконец, понимает, что «прекрасного человека» искать нужно было не в миру, а где-то там, куда со своих автопортретов смотрит тот же Рембрандт, совсем в другом измерении. Достоевский в Оптиной пустыни встречает старца Амвросия, в котором и находит то, что столько лет искал.

Старец Амвросий, как известно, становится прототипом Зосимы из «Братьев Карамазовых». В нем Достоевский видит тот отсвет, которому под силу разогнать темноту, и этот свет писателю, наконец-то, удается внести в свое произведение, как удавалось это Рембрандту.

«На земле же воистину мы как бы блуждаем, и не было бы драгоценного Христова образа пред нами, то погибли бы мы и заблудились совсем, как род человеческий пред потопом», — уверенено пишет Федор Михайлович в «Братьях Карамазовых», уверенено потому, что к этому времени он уже сам прочувствовал и прожил сказанное.

Как тут не вспомнить еще одну картину Рембрандта «Возвращение блудного сына», которая считается продолжением повлиявшего на Достоевского полотна. Сын после падения изображен коленопреклоненно. Удивительно, как снова все совпало в жизни Достоевского — так же на коленях он припал к старцу Амвросию во время беседы с ним (всего беседовали они дважды, и еще один раз писатель видел старца в толпе). И удивительно здесь то, что сам старец Амвросий сказал затем про Достоевского два простых, но вновь отсылающих нас к сюжету о блудном сыне слова: «Это — кающийся».

Такой же кающийся припал к отцу на последней картине Рембрандта. Взгляните снова на эту картину.

В «Братьях Карамазовых» мы этот сюжет, конечно, встречаем тоже. Но главное для всей истории культуры, да и Церкви, что в этом же романе мы встречаем «рембрандтовский» отсвет, разгоняющий тени. Достоевскому в своем последнем романе, наконец, удается изобразить Свет в человеке.

Словами это не передать. Но, согласитесь, после прочтения «Братьев Карамазовых» первым делом возникает желание — покаяться.

Как верующие, принимающие Благодатный огонь в Великую субботу, трепетно и вдохновенно передают его дальше из рук в руки, так и Достоевский, подхватив этот свет с картин Рембрандта, передает его нам. По сей день. Каждому новому своему читателю.

Интересно, читала ли этот великий роман та русская туристка, что посреди Венеции назвала православные храмы некрасивыми?.. В другой раз я бы пожелал ей отправиться по маршруту Дрезден — Оптина.

Максим ВАСЮНОВ

**Удивительно
ленивы калужане и
невежественны в своей
истории. Заканчивается
юбилейный год со дня
рождения писателя
Бориса Зайцева, а
в Калуге по этому
поводу по-прежнему
тишина. Между тем,
Калужская губерния
стала колыбелью
этого выдающегося
писателя, родившегося,
к слову, в день смерти
Фёдора Достоевского.**

Была даже такая шутка в литературных кругах. Якобы американские студенты-слависты спросили «патриарха русской прозы» Бориса Зайцева, помнит ли он Достоевского. Зайцев ответил: «Простите, трудновато вспомнить. Родился в день его смерти, часа на три позже».

Не только тот день – 29 января 1881 года – объединяет две эти личности. Оба они крупные русские писатели. Причем духовные

СТОИТ ПОДУМАТЬ

Анатолий Черников: «Лирические, проникновенные, необычайно музыкальные произведения Зайцева таят в себе немало великих уроков добра, сострадания, милосердия, спокойной, умиротворяющей веры в человека и в великое будущее России – то, что так нужно нам сегодня, и то, чем живо настоящее искусство».

Как здесь не вспомнить Ивана Шмелева, которого Зайцевы в Париже не раз спасали от голодной смерти и с которым дружили – Шмелев также был верен до конца Святой Руси и преподобному Сергию Радонежскому. Тексты произведений Ивана Сергеевича несколько похожи на тексты Зайцева, по их прочтению на сердце опускается благодать (проверьте – прочтите). Так писать могли только русские писатели. И только те из них, чья жизнь была связана с Калужской областью. То ли земля здесь такая, то ли близость к святыням оказывается... Но факт есть факт.

И да, Ивана Шмелева мы вспомнили не просто так. Он так-

Борис ЗАЙЦЕВ.
Париж. Конец 1920-х гг.

ПИСАТЕЛИ КРАСОТЫ И ГАРМОНИИ БЫЛИ СВЯЗАНЫ С КАЛУЖСКОЙ ОБЛАСТЬЮ

ЗЕМЛЯ НЕБОЖИТЕЛЕЙ

писатели, что в случае с русскими, наверное, тавтология, потому что все крупные прозаики и поэты у нас в той или иной степени прошли путь. Красоты, Истины, Любви.

Борис Зайцев прожил в разных городах и селах Калужской области 16 лет. Устьи, Людиново, Калуга. При этом сам писатель в зрелые годы всегда говорил, что именно в Калуге и ее окрестностях он услышал те лирические ноты, которыми оказались наполнены его произведения.

Зайцев один из сильнейших лириков XX века. Еще молодым он уже был вхож в круг больших писателей – Горький, Чехов, Андreeв, Бунин. С последним он будет соседствовать в Париже, где окажется в эмиграции, а свою будущую супругу Бунин встретит, будучи в гостях у молодых Зайцевых. Правда, то было еще до эмиграции, когда все были счастливы и видели в будущем неспешную и успешную литературную жизнь.

И она была такой, их жизнь, пока не наступил 17-й год. А дальше голод, попытки выжить, скитания по чужим странам, наконец, жизнь в Париже, которая для русских эмигрантов никогда не была легкой. Им часто приходилось буквально побираться.

Все это прошел и Зайцев, но – вот она калужская закалка! – он никогда не изменил себе, так и остался русским духовным писателем, который безмерно любил Россию и русского человека. Который верил, что Россия снова станет православной, что в ней снова воссияют кресты и что снова потянутся миллионы паломников к мощам Сергия Радонежского, его любимого святого, о котором Зайцев, кстати, написал одну из самых блестящих своих книг.

Вот что сказал однажды о Зайцеве калужский литературовед

же жил одно время в Калужской губернии. И написал здесь одни из самых пронзительных своих рассказов и повестей.

В Калужской губернии у жены Шмелева Ольги Александровны было имение. В селе Оболенское под Малоярославцем. Сюда Шмелевы приехали в первый год Первой мировой войны. Места сразу же благотворно сказываются на прозаике. Он пишет друзьям в Москву, что еще чемоданы не разобраны, а он уже за работой.

Но в калужской тиши все чаще слышен гром предстоящих потрясений. Шмелев внимательнее приглядывается к крестьянам, к простым деревенским людям и понимает, что до восстания недалеко. Народ ждет перемен, а тут еще война добавила масла в огонь – психика человека сломана, за душой не осталось ничего святого.

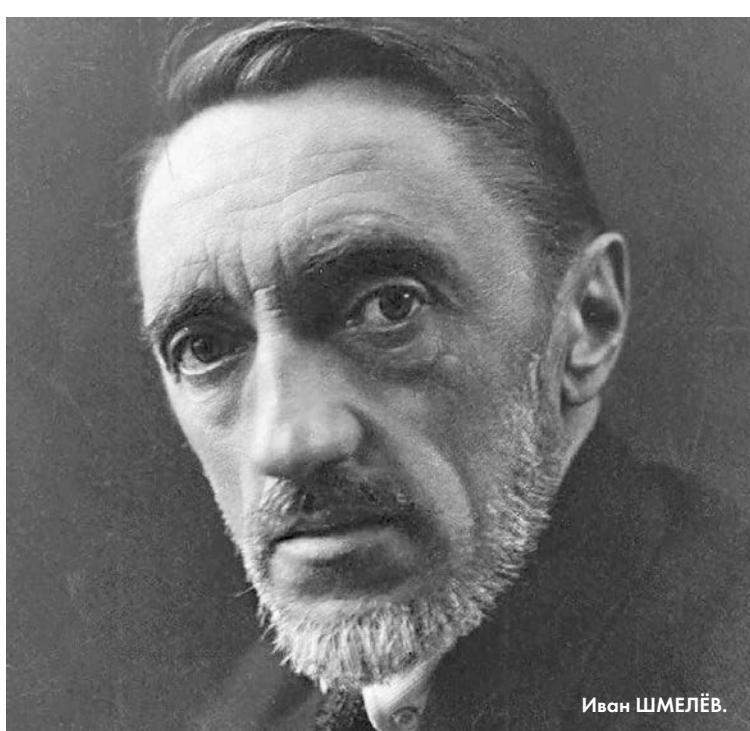
По своим наблюдениям за калужскими крестьянами Шмелев написал сборник прозы под горящим названием «Суровые дни». В рассказах этих можно увидеть описание Малоярославца, усадьбы и полустанка в Оболенском, Спас-Загорской церкви...

В рассказах, написанных Шмелевым в Калужской губернии, считывается лирическая тревожность. С одной стороны, писатель говорит об этих местах как о рае, с другой – как бы уже все предчувствует и понимает – этот рай скоро будет потерян. Навсегда.

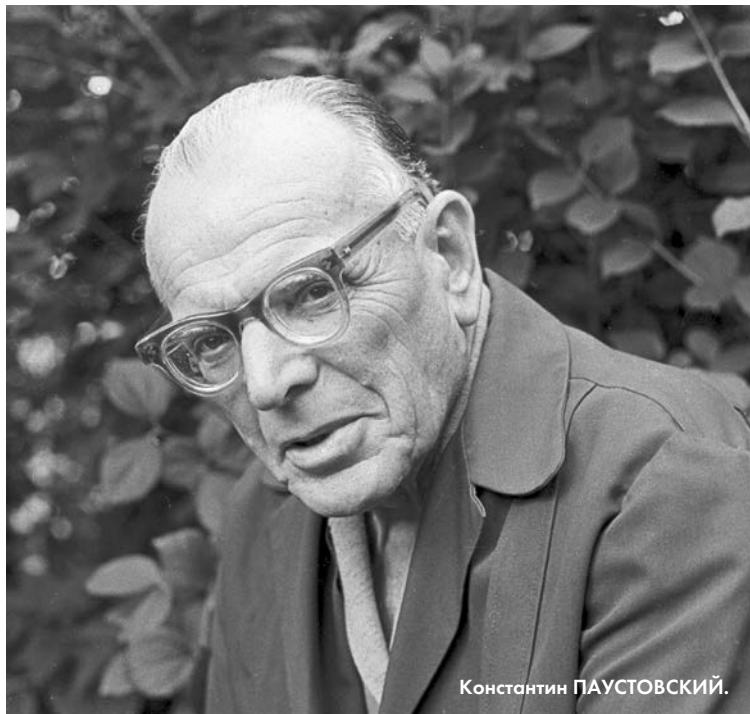
Вот характерный фрагмент, попытайтесь прочувствовать все сами:

«На мосту, – виден его серый сквозной переплет, – за лугом, над кустами густого тальника, над рекой, – сторожевые огни. Не дремлет стражи. Нет-нет и гукнет взвреженный чем-то выстрел. Напрасно.

Покойно кругом. Никто не подойдет, нет врагов здесь, в Калуж-

Иван ШМЕЛЁВ.

Константин ПАУСТОВСКИЙ.

ской губернии, на тихой речке. И нигде на родной земле нет врагов. За лесами? За лесами поля, – полями опять леса, – родные леса, родные поля, – деревни, города с трубами, а за ними опять леса и поля. Кругом родное, провожающее тревогами этот железный грохот ночного бодрствования. А на тихой речке что за неурочиной огонь? Какой-нибудь рыболов пристраивается на отмели на ночную ловлю. Сидит с удочкой, слышит набегающий рокот колес и думает – дай-то, Господи. И вспоминает про своего сына, артиллериста-наводчика. В Смоленске стоял... где-то теперь?..

Покойно кругом, но не спит стража на мосту. Кто знает! Вон, говорят, другой день бродит у полустанка неведомый человек в серой тройке. Чего ему тут делать?»

Спустя годы, умирая от голода в эмиграции, Шмелев многое бы отдал, чтобы это «покойно кругом» повторилось и чтобы снова увидеть «за лесами поля, за полями опять леса».

Не меньше бы отдал и Борис Зайцев, который всех, кто приезжал к нему из России, буквально пытал, просил, чтобы гости поделились своими образами его страны.

Однажды с Борисом Зайцевым в Париже встретился Константин Паустовский. Еще один человек, которого калужская земля научила смотреть на мир «зрением Адама», то есть видеть во всем Божий свет, Великую Красоту.

Мы не знаем, рассказывал ли Паустовский Зайцеву о своем недавно купленном доме в Тарусе, но, без сомнения, своими мыслями о совести, о творчестве, о любви к родной земле Константин Георгиевич с Борисом Константиновичем поделился. А мысли эти во многом Паустовским были сформулированы как раз на берегах Оки.

Откровения новоиспеченного калужанина тому, кто был обязан калужской земле своим душевным складом, акварелью своих произведений, пришли по сердцу. Зайцев так вспоминал о встрече с Паустовским:

«... Да, это изящный тип, наследник настоящей нашей литературы, к удивлению моему сохранившийся, каким-то проселочком и бредущий в страшном и бесчеловечном времени, и как раз очень человечный, как и полагается писателю русскому (на нашем писании ответственность, славные предки)».

Другими словами – даже в советское лихолетье калужская земля продолжала вдохновлять и растить по-настоящему русских писателей.

И вот об этом-то феномене земли, о великих писателях, которые не мимо проезжали Калуги по пути в монастыри, а жили здесь, писали об этой жизни, обретали себя, находили веру и Любовь, вот о них-то и нужно сегодня говорить, как можно чаще. На всех доступных площадках. Всеми доступными способами.

Но Калуга словно продолжает жить советскими представлениями об искусстве – там духовные писатели были не в чести, о Зайцеве советская пропаганда и вовсе намеренно забыла.

Давайте не забудем о нем вспомнить хотя бы мы.

Редакция газеты «ВМ»

Есть версия, что прототипом города, в котором живут братья Карамазовы, был Козельск. То есть не только Оптина пустынь описана Достоевским, но и сам древний город, по которому писатель бродил во время своего приезда в 1878 году. Правда, Козельск времен Достоевского отличается от сегодняшнего. Прежде всего тем, что гораздо меньше теперь над городом золотых главок — многие храмы были разрушены теми «бесами», коих сам же Федор Михайлович и напророчил. Разрушен был практически полностью и самый древний в Козельске храм Вознесения Господня, некогда бывший собором женского монастыря. Та самая церковь, на чердаке которой была обретена чудотворная Ахтырская икона Божией Матери. Сегодня обитель решено возродить. Наши корреспонденты убедились, что делать это нужно как можно скорее.

«ГДЕ ТРУДНО, ТАМ ХОРОШО»

«**В**ы прибыли, вы прибыли!» — орет радостный навигатор! Конечной точкой маршрута у меня забито «бывший Вознесенский женский монастырь Козельска». Оглядываюсь — нет даже следа святого места! Какие-то домики, ворота — такие я видел на заброшенной овощебазе. За воротами — всматриваюсь вдаль стоя на цыпочках — горы старых камней и свежего песка.

И только скромный листок на деревянной двери продолговатого одноэтажного строения сообщает мне, что я пришел правильно. Это архиерейское подворье при Вознесенском храме бывшего козельского монастыря.

Вхожу внутрь.

«Вам матушку позвать?» — слышу сразу мужской голос, мужчина с бородой у маленькой бетономешалки с улыбкой ждет моего ответа.

«Да, позовите, пожалуйста».

Матушка вышла не сразу. Вероятно, она дала мне время обмынуться. И разглядеть за горами камней поклонный крест, а за пеком — аккуратные клумбы. Еще где-то здесь — знаю из путеводителя — есть древняя церковь, самая древняя в Козельске — но вот ее не узнать совсем. Может, снесли уже давно.

Наконец, выходит матушка Анастасия (Дремина). Старшая сестра Вознесенской женской монашеской обители. Маленького роста, но с большой уверенной улыбкой. Мне говорили, что ее пару лет назад сюда запросил епископ Козельский и Людиновский Никита. Привез ее из монастыря в Малоярославце. Еще я заранее знал, что в данный момент — матушка восстанавливает козельский монастырь одна. Не только храм, но и обитель.

— Как ваши дела? — спрашивает матушка с ходу.

— Да мои-то по сравнению с вашими вообще прекрасно, — отвечает прямо.

Матушка реагирует тут же:

— А вы знаете, где трудно, там хорошо! — и снова эта уверенная улыбка. Так улыбаются люди, которые точно знают, что все будет хорошо.

Я снова оглядываюсь по сторонам в поисках хоть чего-то, что давало бы надежду на «хорошо». Но кроме деревянного поклон-

ного креста за грудой камней и аккуратной клумбы с цветами по-прежнему больше ничего не вижу.

Матушка же безмятежно продолжает.

«Когда меня привез сюда владыка Никита, вы знаете, честно вам говорю, я дар речи потеряла, я смотрела на все это такими глазами грустными (*смеется*), думаю, куда ж я приехала!» — рассказывает она. Вот, думаю я, и позитиву конец. Значит — все-таки и ей страшно.

«Правда-правда, и у меня был внутренний страх, — продолжает матушка, словно разговаривая с моими мыслями, — а владыка мне говорит: матушка, идите в храм, приложитесь к иконе Божией Матери Ахтырской. Мы зашли в храм, и когда я прикладывалась к иконе, я будто ее даже не видела. И слышу внутренний голос: неужели ты меня оставил? Это было так явно ощущимо, я думаю: Боже Милостив, что же такое со мной происходит?! И вы представляете себе — я выхожу на территорию и вижу цветущий сад. Я его видела, я его ощущала, это было такое чувство благодати!»

Теперь, когда мы познакомились с хранительницей места, пора рассказать его историю.

«БОЖИЯ МАТЕРЬ ПОСЛАЛА В КОЗЕЛЬСК ЗА СВОЕЙ ИКОНОЙ»

Удивительно, но даже козельчане не все знают, что возрождающийся Вознесенский монастырь стоит на том самом месте, где был древний город, сожженный войсками Батыя. На уроках истории нам всем рассказывали: один маленький город не сдался

МОНАХИНЯ АНАСТАСИЯ (ДРЕМИНА) ВОЗРОЖДАЕТ ВОЗНЕСЕНСКИЙ МОНАСТЫРЬ КОЗЕЛЬСКА

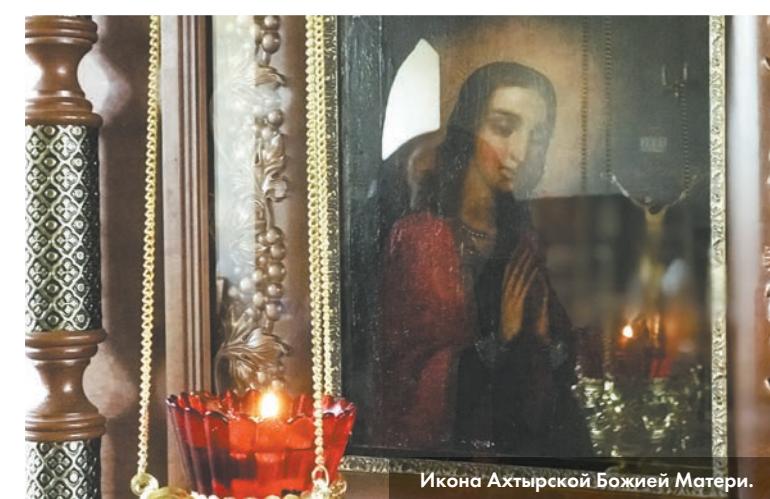
«ПРИХОДИТЕ К НАМ»

врагам, мужественно обороняясь семь недель, много пало за это время и воинов Батыя, и самих горожан, но не сдался Козельск. За что и был сожжен, и назван Батыем «злым городом». Так вот, археологи в 21-м веке доказали: «злой город» стоял в том числе на том месте, где позднее основали женскую обитель. Более того — это уже факт малоизвестный — раскопки на территории монастыря показали: здесь еще до рождения монастыря (рубеж XV и XVI вв.) находился храм. То есть место наменное. Да к тому же — на крови.

Но кругом — разруха, разруха и сноса она.

И снова матушка в такт моим мыслям продолжает:

«Честно признаться, у меня тоже какая-то такая внутренняя скорбь по этому поводу. Я раньше не знала, что это за место, что вообще оно значит для города и страны! А тут как-то случайно пришла в козельский музей, я была удивлена, до сих пор я удивлена! В музее все есть про Вознесенский монастырь, есть даже археологические находки, которые доказывают, что место это особое. Здесь столько было мучеников, столько крови здесь потеряли люди, жизнь свою отдали Отечеству и Богу!»

Икона Ахтырской Божией Матери.

Если бы только одна древняя история «намолила» это место. В 19-м веке на чердаке Вознесенского храма была обретена икона Ахтырской Божией Матери. И вот что интересно — чудо случилось накануне закрытия церкви и роспуска прихода. Потому что к тому времени и обитель давно была упразднена, и ее главный собор обветшал. Церковное и светское начальство равнодушно решило поставить крест на святом месте, но Божия Матерь, верят козельчане, этого сделала не позволила.

Из келейных записок преподобного Варсонофия Оптинского:

«Рассказывал мне бывший игумен Мещовского монастыря отец Марк, живущий ныне на покое в Оптиной пустыни: «Помню, это было, кажется, в 1867 году. Был я сильно болен и не чаял, что поднимусь. В это время жил я в Оптиной пустыни.

Вижу однажды, как бы в тонком сне, будто стою на поляне, что около Козельска и против трех церквей. Восходит солнце. С правой и с левой стороны стоят подле меня какие-то существа. Замечаю, что солнце, видимое мною, есть икона, стоящая на чердаке Вознесенской церкви. На вопрос мой к тому, который стоял около меня с левой стороны, кто он, тот ответил: «Я — Георгий! Икона, видимая тобою, есть икона Ахтырской Божией Матери».

Прогнувшись, я передал об этом отцу Амвросию. Начались поиски по всем церквям Козельска, но иконы Ахтырской Божией Матери нигде не находили. Искали и в Вознесенской церкви. После долгих и безуспешных поисков священник той церкви отец Дмитрий открыл сию икону на чердаке церкви, лежащую в пыли и мусоре. Святая икона была тогда же принесена торжественно в Оптину пустынь, а я, приложившись к ней после молебна, получил облегчение от недуга и вскоре выздоровел совершенно».

Эту же историю пересказывает известный писатель Сергей Нилус, который лично знал отца Марка (мирское имя игумена — Михаил Чебыкин). Перед смертью монаха Нилус спросил у него о чуде, о котором тогда (конец XIX века — начало XX) молва была еще жива.

«Батюшка! — спросил я. — Правду ли мне говорили, что вы как-то были тяжко больны, так что и врачи от вас отказались? Сказывали мне, что вы удостоились тогда видеть во сне Царицу Небесную, которая вам повелела послать в Козельск за Своей иконой, о которой дошедшего видения никто не знал, исцелились? Правда ли это?

Глаза отца игумена просияли, и он ответил радостно:

— Да, было! (Сергей Нилус, «На берегу Божьей реки»)

А теперь диалог из нашего времени, когда молва об иконе в самом Козельске уже не так громка. А церковь, где образ был обретен, не найти без проводника.

— Матушка, вы думаете, у вас получится возродить и храм, и обитель?

— Нельзя унывать! И нельзя лениться. Я думаю, что есть Воля Божия, чтобы монастырь здесь возродился. Не просто ведь Господь что-то сохранил! Я думаю, что тут Промысел очень большой.

— А что сохранил-то?
— Пойдем!

«УСПЕТЬ БЫ К ЗИМЕ ОКНА ПОМЕНЯТЬ»

Матушка берет ключи и ведет меня меж наваленных шлакоблоков, вдоль двухэтажного здания, поеденного временем, как бабушкина шаль молью. Одни дыры кругом. Оказывается, оно раньше принадлежало хлебозаводу, который возвели здесь в советское время. Постройки завода с двух сторон «взяли в плен» четыре стены старинного Вознесенского храма. По мнению всех историков — это на сегодня самые старые

стены в Козельске. Многие исследователи и краеведы считают, что это первая половина XVII века. А матушка Анастасия считает, что сейчас уже не время спорить о веках. Время — спасать эти стены. Ведь одно из пристроенных к церкви зданий (сегодня тоже полуразрушенное) стоит на склоне и, по мнению старшей сестры, сползает вниз, «тягивая за собой и святыню». По-хорошему пора высвободить старинную церковь от наследия 20-го века. Но на это нужны деньги, которых у женской общины просто нет.

— Нам бы Вознесенский придел к зиме утеплить, окна поменять успеть, вот наша задача номер один, иначе разрушится все еще больше, пlesenь пойдет, — беспокоится матушка.

И вот, наконец, она поворачивает ключ и отворяет дверь в прошлое.

«Вообще это место необыкновенное. Вот вы зайдете в храм и сами почувствуете, что там удивительная благодать, — успевает предупредить нас матушка, — там неописуемая благодать, люди заходят, и они всегда говорят — у нас мурашки по телу, то есть такой дух

лучше один раз увидеть внутренним взором, чем услышать или прочитать. Ведь слов, как мы знаем, таких не придумано. И Слава Богу, что не придумано.

«ЧУДЕСА ЗДЕСЬ НА КАЖДОМ ШАГУ»

A вот о чудесах поговорить можем. Их в возрождающемся из пепла монастыре предостаточно.

«Чудеса-то! Да они на каждом шагу», — как и свойственно монахам, старшая сестра женской общины говорит об этом спокойно, мол, это только для вас, мирян, это все в диковинку, а мы тут с этим живем.

Чудеса в Вознесенском храме связаны с его главной святыней — да и не только с его, это святыня Козельска и всего православного мира — Ахтырской иконой Божией Матери. Вот она. Отроковица, еще не покрытая, но уже со смирением принялшая все, что ждет Ее саму и Ее Сына.

«Вот такая интересная, конечно, икона, которая пример для нас в этой жизни. Чтоб мы тоже не скорбели, а принимали как от рук Божиих любое испытание, кото-

ЗА ЧУДЕСАМИ»

охватывает их души и сердца! У вас тоже мурашки будут!»

Перед нами довольно просторные два придела. Они, как и положено стариным храмам, под впечатлительными арочными сводами. Да и в остальном все как из стариных фотографий древних монастырей — ковры на полу, деревянные иконостасы, полумрак под сводами. Ловлю себя на мысли, что мурашки тем не менее не побежали. Но матушка предлагает войти в Вознесенский придел, тот самый, который самый древний в Козельске.

Переступаем порог. И тут меня срубает тишиной. Именно срубает. Потому что с такой тишиной я никогда не сталкивался. Будто бы древние стены не хотят пропускать в себя ничего из нового времени, а от того времени, когда они были построены, ничего кроме тишины и не осталось. Вот и берегут как свою главную святыню. То, что тишина эта благодатная, становится понятно через пару минут. Когда ловишь себя на мысли, что и дышишь ты тут по-другому, и что все тут иное, и эта каменная кладка, местами обожженная огнем, и солнечные лучи, ласково обнимающие образа, и деревянное Распятие, и донельзя скромный престол.

Иное, но не значит чужое. А наоборот свое, родное до последней кровинки.

В тот момент, когда от понимания уже хочется расплакаться, матушка показывает на образа, на тех, кто плачет за нас.

«Вот икона Сергия Радонежского, она у нас мироточит, святой говорит нам о том, что я живой, прибегайте молитвами ко мне».

Молитвы в Вознесенском приделе недавно прозвучали впервые почти за 100 лет. Здесь отслужили литургию. О том, какое благоухание в то утро распространялось по церкви, в Козельске до сих пор рассказывают со счастливыми глазами.

В общем, это тот случай, когда

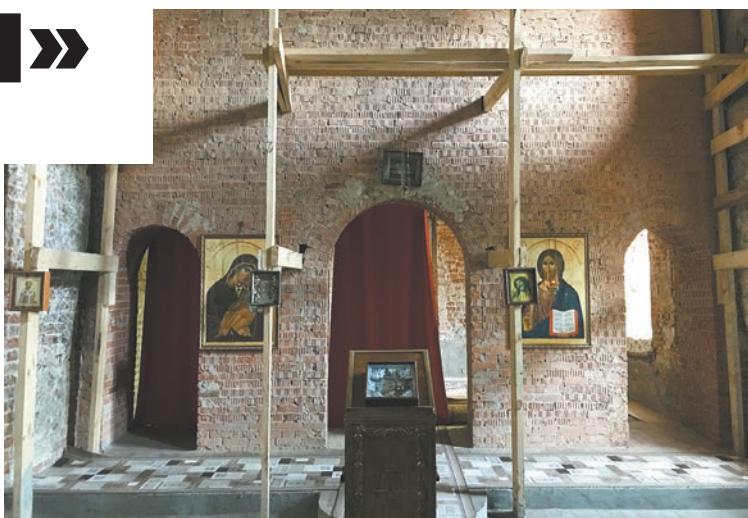
рое Он уготовил», — размышляет матушка, пока я прикладываюсь к образу. Она много готова рассказывать об этой иконе. Но журналистская душа требует историй, чудес!

Матушка покорно соглашается вернуться к заявленной теме.

— Вот одно такое чудо расскажу. Это было в прошлом году, как раз после памяти Ахтырской Божией Матери. Числа 19-го июля. У нас еще на аналое икона чудотворная наша стояла. Мы утром молимся, и вдруг заходит мужчина: «Где у вас Ахтырская Божия Матерь?» Я даже испугалась, думаю — что случилось? Показываю ему — вот. Он как припал к этой иконе, как начал рыдать горькими слезами. Рыдал как младенец, я даже немножко удивилась. Потом он рассказывает, что работает главным инженером на одной из фабрик Калуги. «Я, говорит, три раза видел во сне Ахтырскую Божию Матерь. Она приходила и говорила: езжай в Козельск, приложись к иконе Ахтырской Божией Матери, помолись ей. Я все думаю — какой Козельск, зачем мне туда ехать!»

И когда уже третий раз Она явилась инженеру и очень строго сказала — он испугался и приехал сюда. Мы дальше его давай расспрашивать — не ко всем ведь во сне Божия Матерь приходит! Оказалось, у мужчины этого очень болела жена. Но и этого нам было недостаточно, жены опять же у многих болеют. Еще больше разговорились, и мужчина упомянул, что у него в роду есть монахи. Я говорю ему — ну вот монахи, видно, и вымаливали твою жену и через Матерь Божью тебя вразумили. Он взял маслице, акафист. И счастливый ушел. Вот это чудо. Человек даже не знал о существовании этого места и иконы и вот явился к нам сюда!

Еще один случай, из недавних. О нем матушка рассказывает с приподыханием, видно, что даже повидавшую всяких чудес монахиню впечатлило.

— Женщина приезжала сюда с мужем, у нее четвертая степень онкологии была, она даже не могла сама приложитьсь к чудотворной иконе. Муж ей помогал. А потом приехала уже сама. Здоровая! Представляете! Приехала как ангелочек: светленькая, беленькая. Матерь Божья исцелила от рака. Женщина приехала поблагодарить Матерь Божью и рассказала нам, знаете, самое удивительное! Она рассказала, что муж у нее православный, дети православные, а сама она мусульманка. Я думаю: «Надо же, у Матери Божьей, оказывается, все человечество под покровом».

— Она не окрестилась потом?

— Я не знаю. Она у нас побывала, поблагодарила, уехала. Мы запомнили лишь, что она была необыкновенная! Как вновь родилась, настолько это было даже для нас удивительно.

КАТАКОМБЫ ХРАНЯТ МОЛЧАНИЕ

Удивительного в возрождающемся козельском монастыре действительно много. И редкие иконы, которые «приходят» сюда из разных мест, и паломники, приезжающие со всей России. Некоторые на подворье оказываются случайно — здесь есть паломнический центр, в котором останавливаются приезжающие в Оптину пустынь. Но многие едут в Вознесенскую монашескую общину специально — по зову Матери Божьей, так здесь говорят. Многие потом привязываются и к матушке, и к святыне, пишут письма, присыпают милостыню, просят помолиться за своих близких. Вот только сами козельчане, по словам старшей сестры общины, здесь бывают редко.

Хотя странно это для монахини, которая сама неместная — родом она вообще с Челябинска. Но любой позовидует ее усилиям по возрождению святыни и той ее неистовой вере в то, что здесь будет сад.

Что мешает к святыне, к своим истокам вернуться самим козельчанам? Ответы, увы, настолько страшны и очевидны, что не стоит даже озвучивать. А вот озвучить еще один факт из истории города стоит. Матушка Анастасия уверяет, что под собором есть катакомбы, в которых козельчане прятались во время Великой Отечественной войны. Сейчас в них спускаться опасно — там все завалено тем же строительным мусором, обрушившимися стенами и всем наследием городской пекарни и швейных мастерских, что здесь тоже были. С тех пор как последний владелец хлебозавода, человек верующий, передал все постройки и территорию монастырю — в подземелье почти никто не заглядывал. Тут по земле бы пройти, не переломав ноги! Но матушка Анастасия, похоже, все-таки в катакомбах побывала. На прощание она говорит:

— Вы приезжайте к нам, когда мы тут уже разгрузимся после ремонтных работ и когда расчистим подвалы. И я вам покажу еще одно чудо! Тайна Божия, она существует, понимаете! Так что приходите к нам за чудесами...

И тут я вас прошу мне поверить: после этих слов глаза матушки просияли. Подобного я никогда не видел, хотя в своей журналистской жизни повидал много глаз, даже самых светлых и святых.

И вот тут меня нагнали обещанные матушкой марашки.

Максим ВАСИОНОВ

А ВОТ ТЕПЕРЬ СИДИ И СЛУШАЙ

Недавно мы получили по почте несколько фотографий. Наши читатели из Калуги прислали снимки стамбульских книжных. Среди книг отчетливо выделяются романы Фёдора Михайловича Достоевского. На турецком. Наши читатели с удивлением рассказывали в сопроводительном письме, что русский классик в Турции есть во всех магазинах. И везде востребован. Его романами зачитываются, их обсуждают, и особенно – подчеркнули авторы письма – много говорят о Достоевском турецкие женщины.

Специально для наших читателей, заметивших любовь турков к нашему гению, мы подобрали высказывания о Достоевском самого известного турецкого писателя современности Орхана ПАМУКА. Нобелевского лауреата. Из этих цитат ясно, что... А впрочем, выводы делайте сами. Не забудьте только перед этим почитать первоисточник, хотя бы страниц сто!

Говоря о Европе, России, Петербурге, я сразу вспоминаю Достоевского. Именно от него я впервые узнал о том, насколько похожи у всех нас повседневные заботы, печали и радости.

Турецкие романисты многому научились у великой русской литературы. Толстой, Достоевский, Чехов – эти три писателя стали для турецкой литературы XX века таким же важным примером, как и французские.

Лично для меня Толстой и Достоевский – величайшие писатели на все времена. Но самое сильное воздействие на меня оказывает самый глубокий и политизированный – Достоевский. Добавлю, что при этом, с моей точки зрения, Толстой более искусный и талантливый романист.

Такое воздействие Достоевского на меня вызвано, конечно же, его отношением к Западу, которое строится на любви и ненависти. Наше прошлое и наши культуры

Орхан ПАМУК, отрывок из лекции, прочитанной в Санкт-Петербургском государственном университете

ПОСЛЕСЛОВИЕ К ПРИСЛАННЫМ ФОТОГРАФИЯМ СТАМБУЛЬСКИХ КНИЖНЫХ, или НОБЕЛЕВСКИЙ ЛАУРЕАТ О ДОСТОЕВСКОМ

**ВЕРА
МОЛОДЫХ**

невероятно близки и похожи. И сегодня, говоря о Достоевском, я чувствую, что говорю и о себе. Я постоянно перечитываю его романы, всякий раз обнаруживая в них нечто новое о себе, о жизни и о Турции.

Я хорошо помню, как читал «Братьев Карамазовых». Мне тогда было 18, я сидел один в комнате, окна которой выходили на Босфор. Это была моя первая книга Достоевского. С первых же страниц она вызывала во мне двойное чувство. Я понимал, что не одинок в этом мире, но ощущал оторванность от него и беспомощность. Размышления героев казались моими мыслями; сцены и события, которые потрясли меня, я словно переживал сам.

Читая роман, я чувствовал одиночество, словно был первым читателем этой книги. Достоевский, казалось, разговаривает со мной и только мне рассказывает нечто никому не известное о людях и жизни. Это тайное знание ошеломило меня. Ужиная с родителями или болтая, как обычно, с приятелями из Стамбульского технологического университета, где учился на архитектора, я чувствовал, что моя жизнь изменится, что книга живет во мне. Моя жизнь казалась мелкой и ничтожной рядом с великим, бескрайним, удивительным миром книги. День, когда я впервые прочитал Достоевского, стал для меня днем просшения с наивностью.

Какую тайну хотел открыть мне Достоевский? Неужели он хотел сказать, что я всегда буду испытывать потребность в Боге, вере? Доказать, что мы не в состоянии до конца верить ни во что? Может, он призывал меня согласиться с тем, что в нас живет дьявол, жаждущий уничтожить веру и извлечь самые искренние мысли? А может быть, он хотел показать, что человек легко и безвольно меняет свои взгляды — гораздо быстрее, чем мне тогда казалось?

Ошеломляло и пугало, что Достоевский облеч эти жизненные истины не в абстрактные мысли, а наделил ими живых людей из плоти и крови. Читая «Братьев Карамазовых», мы пытаемся понять, как люди могут так быстро меняться.

Великий аргентинский писатель Борхес как-то заметил: «Впервые прочитать Достоевского — такая же важная веха в жизни, как первая любовь и первая встреча с морем».

«Бесы» — один из самых потрясающих политических романов, когда-либо написанных человеком. Впервые я прочитал его в 20 лет и смело могу сказать, что был потрясен, изумлен и испуган. Роман поселял в моем сердце труднообъяснимый страх, отча-

тии вызванный невероятно сильной сценой самоубийства.

Достоевский начал работать над романом «Бесы» в 1869 году. На два года они с женой уехали в Европу, чтобы скрыться от кредиторов. Достоевский не терпел нигилистов, весьма популярных тогда в России, и написал роман об их неприятии к русским традициям, об их западничестве и атеизме. В это время в России произошло политическое убийство, о котором Достоевский с жадностью ссыльного прочитал в русских газетах: студент университета Иванов был убит друзьями, которые считали его изменником. Они состояли в молодежной революционной ячейке.

Герои Достоевского жили в 70-х годах XIX века, а я, читая его романы, в 70-е годы XX века — и видел то же самое. Мои друзья, участвовавшие тогда в многочисленных революционных ячейках, выглядели и были как герои Достоевского. Мне казалось, роман «Бесы» не о России XIX века, а о современной Турции, погрязшей в радикализме, порожденном насилием.

Мой страх был продиктован причинами личного характера. Тогда, спустя примерно сто лет после печального преступления и выхода «Бесов», похожее было совершено в Турции, в колледже, где теперь находится Босфорский университет. Мои одноклассники, входившие в революционную ячейку, под подстрекательством хитрого и умного человека, впоследствии бесследно исчезнувшего, забили насмерть своего товарища — по их мнению, предателя. Труп положили в чемодан и попытались ночью переправить его на другой берег Босфора, зачем и были пойманы.

Самый необычный роман Достоевского, в котором его мысли выражены особенно четко, это «Записки из подполья». Книга произвела на меня большое впечатление в 18 лет: я нашел в ней отражение многих своих невысказанных и неосознанных мыслей. Мне, как и всем европеизированным туркам, нравилось считать себя европеицем в большей степени, чем было на самом деле, поэтому могу с легкостью сказать, что энергетика романа обусловлена завистью героя к Европе и европейцам.

Полагаю, что противоречие, державшее Достоевского, интересует всю жизнь и меня — это выбор между Западом и Востоком, ненавистью и любовью к Западу. Именно это всю жизнь не дает мне покоя. В молодости Достоевский восторгался Западом, а в моем возрасте он возненавидел его.

Конечно, великого писателя делают великим не политические мысли, а его способность регулярно работать, сила его воображения и талант. Творчество романиста делают интересным не яркие краски, не резкие оттенки, а смешение цветов и полутона.

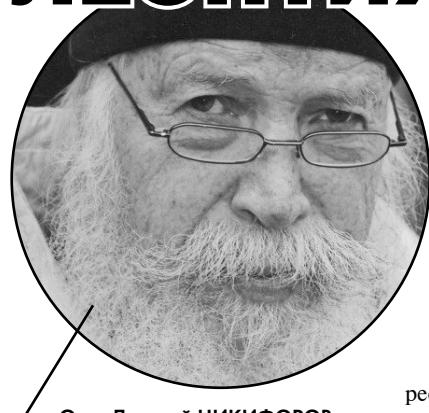
На политической карте современной Турции лично я нахожусь среди прозападных сторонников свобод, даже либералов. Я по-прежнему, как молодой Достоевский, верю, что будущее Турции — в ориентире на западный мир, в близости к нему. Однако не стоит преувеличивать значение моих политических взглядов — в сравнении с литературными.

**ПРЕОБРАЖЕНСКОЙ ЦЕРКВИ
В НИЖНИХ ПРЫСКАХ 240
ЛЕТ – ЭТО ХОРОШИЙ ПОВОД
ВСПОМНИТЬ ЛЮБИМОГО
БАТЮШКУ И РАССКАЗАТЬ
О ТЕХ, КТО СЛУЖИТ ЗДЕСЬ
СЕГОДНЯ**

7

«ГОСПОДЬ ПОКРЫЛ БЛАГОДАТЬЮ ОТЦА ЛЕОНТИЯ, ЕГО ХРАМ И ЕГО ПОТОМСТВО»

Отец Леонтий НИКИФОРОВ.

Для человека всё много, что больше его жизни, а храмы стоят веками. Это всего лишь здание, объединившее под своей крышей родственные души. Дом, объединяющий сердца. Именно дом, вот так, по-семейному, и следует определять прихожан прысковского храма, в котором царит дух любви и доброжелательности. После праздничного богослужения нам удалось поговорить с некоторыми из них.

ресных людей, — вспоминает Ольга, дочь отца Леонтия. — Старцы Кирилл (Павлов) и Наум (Байбордин) останавливались, приезжала и Надежда Александровна Павлович, духовная дочь преподобного старца Нектария Оптинского. Папа еще при советской власти ухаживал за могилками оптинских старцев, камушками их аккуратно обкладывал. Потом все разбросают, он опять укладывал.

Дарами старчества обладал и сам отец Леонтий. Молитвенник сильный был. Мог предсказать женщины будущего мужа, успех или неудача в коммерческих делах. А если дает кому денежку, так точно тому, кто действительно нуждается, и просить не надо, сам увидит. Мудрый человек был.

Вот приходит к нему встревоженная верующая и говорит о последних временах. Мол, антихрист уже среди нас, и надо скорее бежать спасаться в леса и горы. А отец Леонтий ей — о небе:

— Знаешь, — говорит, — какие у ангелов глаза?

— Причем тут ангелы, враг на пороге!

— А какие у ангелов крыльшки?
— Я вам об антихристе, а вы...

Батюшка легонько стукнул пальцами по лбу озабоченной прихожанки, переключив ее мозговой процесс:

— А я об ангелах, да! Пока ты об антихристе думаешь, он с тобой есть. Ты на него работаешь!

Прямо урок психологам. Психо — душа, логос — слово. Душевед, получается. А духовный человек видит дальше и больше душевного, так что психологи отдыхают.

Священник, принимающий исповедь, выше психолога. За ним духовная школа и духовный опыт. Внукам отца Леонтия, воспитанным с малолетства на примере дедушки, в этом плане повезло. Но везет тем, кто везет! Без длительной и подчас изнурительной духовной работы над собой им не удалось бы стать теми, кем они стали. А сегодня, несмотря на возраст, они пользуются всемерным уважением и доверием прихожан. Уме-

МИР И КЛИР

ние слушать и услышать — это тоже дар от Бога, не всемается.

В жизни отец Леонтий не был человеком, заметным издалека. Бывает, у иного такая походка, что видно его за версту: идет! У другого яркая внешность, его узнают на улице по черным кудрям, вьющим-

жество, они для сборников воспоминаний, для нас важно понять, каким человеком был тот, чьим духом и сегодня живет приход.

— Он очень любил людей, Оптину пустынь, своих прихожан, — рассудил еще один монах, не раз бывавший в Преображенском хра-

ме села Прыски, — и за эту любовь Господь покрыл благодатью его самого, его храм и его потомство.

— Отец Тихон и отец Симеон как будто подхватили эстафету от отца Леонтия, — делает вывод прихожанка Елена, с которой мы начали наш рассказ. — Вот эта любовь, которой был исполнен отец Леонтий, она сегодня в полной мере перешла на его внуков. Вы послушайте, как они говорят с прихожанами, насколько участливы и внимательны к каждому. А сюда ведь каждый приходит со своими заботами и проблемами.

Преображенский храм в Прысках посещают не только местные жители. Приезжают из Козельска и района, из других городов, выбрав для себя это место, где чувствуют себя легко и спокойно. Летом полно москвичей.

Сегодня в храме под руководством отца Тихона успешно действует воскресная школа, идут ремонтные и реставрационные работы, средства на которые находятся под час самым чудесным образом. Храм живет своей жизнью и несет людям свет и любовь.

Для этого ведь и строились храмы, для этого они нужны. Куполом устремленные в небо, они служат нам, топчущим грешную землю странникам, для того, чтобы не засыпала наша совесть. Чтобы различать нам добро и зло и нести в мир любовь. Или хотя бы иметь по жизни терпение.

Историй об отце Леонтии мно-

гие. Владимир БАРЫШЕВ

Алексей Кузьмич ДЕНИСОВ-УРАЛЬСКИЙ (1863 — 1926) — мастер «насыпных» икон.

Икона изготовлена в мастерской русского художника Алексея Кузьмича Денисова-Уральского в конце XIX века. Появилась в храме она при следующих обстоятельствах.

В начале 90-х годов XX столетия велись реставрационные работы в здании Калужского епархиального управления. При раскопках полуподваловых помещений была найдена данная икона в разобранном виде. Фон, гора, фигуры и рамка лежали по отдельности. Все эти детали без надобности хранились в подсобном помещении. Когда приснопамятный протоиерей Леонтий Никифоров в очередной раз приехал в управление по делам прихода, ему предложили забрать эту икону, так

как знали, что храм, в котором служит батюшка, освящен в честь праздника Преображения Господня. Отец Леонтий забрал икону, попросил знакомого реставратора привести ее в порядок и повесил на стене в храме.

Икона висела, не привлекая к себе особого внимания прихожан и посетителей до тех пор, пока в храм не заехала очередная экскурсионная группа, в составе которой были ученики из Горного института Москвы. Они сразу заинтересовались иконой и попросили у отца Леонтия разрешения забрать ее на экспертизу, на что батюшка дал положительный ответ. Через некоторое время икону вернули с экспертными документами, где они описали состав минералов и автора данной работы.

После этого также стало известно, как икона оказалась в Калужском епархиальном управлении. Оказывается, художник возил свои работы по России и организовывал выставки. В какой-то момент почти половина коллекции художественных изделий пропала во время транспортировки. Предполагается, что эта икона как раз из числа утраченных работ мастера.

Насыпная икона Преображения Господня сегодня находится в храме на стене рядом с правым клиросом, напротив алтаря, и помещена в деревянный киот с золоченой резной рамой под стеклом.

«Насыпные» иконы, украшенные минералами работы уральских мастеров, являются большой редкостью и представляют художественно-историческую ценность культурного наследия русского народа в целом и Урала в частности. Иконы, выполненные в такой

ОБРАЗ И САМОЦВЕТОВ

ИСТОРИЯ САМОЦВЕТОВ ИКОНЫ

КОЗЕЛЬСКОЙ ЕПАРХИИ

В Преображенском храме села Нижние Прыски есть необычная икона в честь праздника Преображения Господня. Икона называется «насыпная», так как большая часть сюжета выполнена из уральских самоцветов.

технике, демонстрируют исторический период расцвета камнерезного искусства на Урале, эстетические предпочтения людей XIX века, мастерство художников и религиозное восприятие евангельских событий. Каждая насыпная икона индивидуальна, неповторима и уникальна.

Что касается описываемой иконы Преображения Господня, то, согласно полученным

сведениям, она является на сегодняшний день не только единственной работой с таким сюжетом А.К. Денисова-Уральского, но и единственной иконой, которая находится в храме, выполняя свое изначальное предназначение как образ для молитвы.

Благодарим за помощь в создании и сборе материала об иконе Юлию ГАПОНОВУ и Жанну МИЛОСЕРДОВУ.

**БЕРА
МОЛОДЫХ**

СЕРГЕЙ ПОСТРОИЛ ХРАМ СЕРГИЮ

НЕРАВНОДУШНЫЙ ЖИТЕЛЬ ЮХНОВСКОГО СЕЛА ВОЗВЁЛ ЦЕРКОВЬ, НА КОТОРУЮ ТЕПЕРЬ НЕ МОЖЕТ НАДИВИТЬСЯ ВЕСЬ РАЙОН!

На вопрос, что побудило его к столь многотрудному делу, ответить однозначно Сергей Васильевич затруднился. Среди перечисляемых мотивов была и трагическая гибель брата, и то, что «большое село, а храма нет», но отчетливее всего звучала тема памяти о погибших советских воинах, десятки тысяч которых погибли в Великую Отечественную на юхновской земле, и, частности, при освобождении Беляева. Сами Еремичевы нередко сталкиваются со следами войны – их усадьба, на краю высокого и крутого обрыва к Угре, поставлена на остатках траншей и других инженерных военных сооружений, изрезавших здесь весь берег реки.

Не случайно и посвящение храма Сергию Радонежскому – одному из самых почитаемых православных святых, небесному покровителю русского воинства. Широко известно, что в 1380 году он благословил и духовно укрепил Дмитрия Донского на борьбу с ордынским правителем Мамаем, который вознамерился воцариться на Русской земле, предсказал победу московскому князю. В «Сказании о Мамаевом побоище» именно устами Дмитрия Ивановича радонежский святой впервые назван «способником нашим и въоружителем». Позже возникла традиция молитвенного упования на его поддержку в ратных делах через образ иконы «Явление Пресвятой Богородицы преподобному Сергию». Русским воинством всех времен она использовалась как талисман: к ней припадали и ею благословляли на военные

Подъезжающих к юхновскому селу Беляево теперь будет встречать храм во имя преподобного Сергия Радонежского. Вроде бы ничего особенного – культовые сооружения, разрушенные в годы коммунистического правления, ныне восстанавливаются на прежних или сооружаются на новых местах повсеместно на постсоветском пространстве. Но с данным храмом есть один нюанс – своим появлением он всецело обязан С.В. Еремичеву, уроженцу с. Щелканово Юхновского района, уже не одно десятилетие проживающему с семьей в Беляево. Сама идея, органическая, проект храмового здания, подготовка и осуществление строительства – все это сделано его руками и на его средства.

операции, держали при себе во время них. Чудотворная икона неизменно связана с важнейшими военными кампаниями русской истории: в борьбе с татарами, с Литвой, с поляками в Смутное время, со шведами при Петре I, в Крымской баталии и войне с Турцией, с французами в 1812 году, в Японскую и Перовую мировую войны. Идея небесного попечения о защите Русской земли отразилась в одном из благодарственных писем радонежскому святому: «Ибо молитвами твоими от нашествия иноплеменных... нас присно избавляши».

Своими намерениями С.В. Еремичев поделился с отцом Алексием Махетовым, благочинным Юхновского округа Песоченской епархии. Получил поддержку и в дальнейшем в принципиальных

вопросах придерживался его советов. «Первоначальным капиталом» для осуществления задуманного стали средства от продажи родительского дома в Малоярославце – маму он забрал к себе, и она, женщина верующая, одобрила его планы.

Место под строительство церкви администрация села выделила низкое и топкое, рядом с болотцем, где еще с советских времен сохранялись руины механических мастерских. Потребовалось колоссальные усилия для их разборки и еще большие – для сооружения фундамента. О последнем стоит сказать особенно, поскольку совсем небольшое здание церкви имеет мощнейшее трехуворневое основание. Оно возведено в несколько этапов: на отлитый нижний уровень верти-

кально установлены 2-метровые бетонные армированные столбы-«пасынки», доставшиеся в наследство от мастерских. Пустоты заполнялись всякого рода строительным мусором, преимущественно с развалин старого скотного двора. Поверх них сооружен третий уровень фундамента. Затем последовала трудоемкая работа по устройству над этой монументальной бетонной конструкцией земляного холма, для чего потребовался не один десяток КамАЗов с грунтом.

Особой задачей было создание иконостаса – важнейшей детали убранства православного храма; он должен изготавливаться по определенным правилам. Здесь своими силами не обойтись, нужны опытные специалисты. Знатоки этого дела были приглашены из православного братства художников Сергиева Посада – В. Саблин и М. Астальцов, именитые мастера, члены Союза художников России. Православная тематика является главной в творчестве В. Саблина, ему доводилось разрабатывать проекты иконостасов для ряда российских храмов. Не чужд ей и М. Астальцов, кстати – уроженец Юхнова, первые навы-

ки мастерства получивший в Обнинской художественной школе. Иконостас беляевского храма выполнен в строгих традициях церковного благочестия. Он скромный, без пышного декора, что вполне соответствует характеру самого здания, включает обязательные библейские образы. Иконы написаны на холсте в канонической стилистике.

Целую историю мог бы рассказать герой нашей статьи о том, как поднимали и устанавливали церковную главку. Это снизу она кажется маленькой «луковкой», на деле же ее максимальный диаметр составляет 1,7 метра. Долго подыскивался подъемный кран, водитель которого «мучился» весь световой день, пока не водрузил купол на крышу строения. Изготовил его Сергей Васильевич тоже сам, со своими помощниками-умельцами. Очень ему хотелось, чтобы тот «блеснул золотом» на солнце. Добиться этого удалось с помощью пластины нитрит-титана, которыми обшивался каркас из толстой фанеры. Верно рассчитанные размеры главы делают здание церкви очень гармоничным.

Храм освящен архиепископом Песоченским и Юхновским Максимилианом, службы уже ведутся, но работы далеки от завершения: предстоит наладить отопление, доделать крыльцо с лестницей, детали интерьера, ну а далее – благоустройство прилегающей территории, сейчас имеющей не очень привлекательный вид. Среди наиболее важных ближайших задач, не простых, но творческих, а потому интересных – устройство звонницы. Пять небольших колоколов с великолепным звуком удалось получить от частного благотворительного фонда «Помоги приходу» благодаря усилиям и настойчивости педагога Беляевской школы Е.Г. Храмченковой – сам Сергей Васильевич, не привыкший получать столь дорогие подарки, мало верил в успех «предприятия».

Так зачем же понадобилось человеку, не сильно, в общем-то, набожному, и при этом очень занятому и обремененному множеством актуальных «земных» забот, взваливать на себя такой тяжелый груз? Мне кажется, я знаю ответ: неравнодущие к людям, к истории своей большой и малой Родины.

Галина МАССАЛИТИНА

